

Его карие глаза слегка сузились и мгновенно вспыхнули золотом. Он небрежно, словно мельком, бросил взгляд на картонную коробку — и вяленое мясо, которое он сжимал в ладони, со стуком упало на землю.

Что он там увидел? В коробке лежало яйцо и маленький детеныш, высунувший наружу полхвоста?!

— Неужели там мой внук?! — вскрикнул старый Царь драконов.

Ся Дунли лишился дара речи: «????»

Внук, разумеется, никак не мог быть внуком. И Ся Дунли, и Сюнь Вань — мужчины, а согласно пантеону мифов Хуася, если только это не край, где пышно цветут бегонии, двое мужчин произвести на свет дитя не способны.

Испытав ложный восторг, старый Царь драконов обнял ничего не понимающего Дами и тяжело вздохнул. Эх, как же стыдно, всё свое старое лицо посрамил!

Пока старый Царь драконов раздумывал, как бы так замять оплошность, недавно купленный мобильник у него в кармане завибрировал, и из динамика крошечного кнопочного телефона раздался детски тонкий голосок: «На голове рога, за спиной хвост~»

— Алло... — старый Царь драконов вытащил телефон и нажал кнопку. Не успел он поднести трубку к уху, как с той стороны раздался громкий голос: — Старик Сюнь! Открывай дверь, я у твоего порога! Я тут, скажу тебе, отхватил отличную птицу! Самый настоящий ученик столичных птичников, ха-ха-ха! Человеческой речи обучена! Давай-ка живо открывай, покажу, глаза порадуешь!

Дядя Гэн вскинул брови. Обида тут же испарилась, гладить пса он перестал и величественной, исполненной достоинства походкой направился к воротам. На ходу он взмахнул рукой, и три маленьких черных дрозда, живших на глицинии, с шумом спустились вниз и дисциплинированно уселись Царю драконов на плечо.

В то же время четыре собаки из дома Ся Дунли слаженно подскочили к нему. Дэфу и Мили выбежали вперед и лапами приоткрыли ворота, а Дами и Сяотянь встали по обе стороны от старика.

Лю Дахай, переступив порог, замер от увиденного. Его новый приятель крутил в руке два грецких ореха, на плече у него восседали три птицы, а с обеих сторон застыли по две собаки. Этому строю не хватало разве что огромного дао — а так вылитый дух-хранитель с новогодних лубков.

— Ого... Это ты... — Не успел он договорить, как птица в клетке у него в руках замахала крыльями и заголосила во всё горло: — Да здравствует император! Десять тысяч лет императору, десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

Старый Царь драконов прищурился и строго уставился на птицу:

— Ты кого это ругаешь?

Кхм-кхм. Для обычного человека такие слова — высочайшее пожелание долголетия, но для дракона, чья жизнь без лишних происшествий равна возрасту небес, десять тысяч лет — всего лишь ничтожный мигновение.

Обычный человек Лю Дахай от такой реакции растерялся, а потом расхохотался:

— Ой да ладно! Назвал тебя императором — и уже оскорбление?

Впрочем, он не придавал этому значения. Люди его поколения жили в особые времена, когда главной идеей было свержение монархии и бранными считались слова «кулак», «помещик» или «маленький император».

Времена изменились, но старые привычки остались. Возможно, новый приятель просто чувствителен к подобным вещам, ничего страшного.

В дружбе главное — искать общее и уважать различия.

Дядя Дахай хлопнул его по плечу и подтолкнул к дому:

— А где Сяо Ся и Сяо Сюнь? Почему их не видать?

— Уехали в поселок к врачу, — ответил старый Царь драконов. Он еще пару раз злорадно окинул взглядом птицу, «проклявшую» его на какие-то курам на смех десять тысяч лет жизни, и с присущей ему мстительностью наложил на нее заклятье облысения, после чего уселся на садовую скамейку.

В семье Ся Дунли любили чай, поэтому под садовым столиком стоял проточный нагреватель, отрегулированный на 90 градусов — достаточно было повернуть кран, чтобы потекла минеральная вода идеальной температуры.

Впрочем, когда сюда прибыл старый Царь драконов, он перенес подземный родник напрямик в бутылку с водой. И теперь из крана текла сладчайшая родниковая вода, способная раскрыть и усилить любой чайный аромат.

Дядя Дахай хаживал сюда еще до того, как построили этот домик с двором, а уж сейчас и подавно чувствовал себя как дома. Поставив чайник, он забеспокоился, услышав, что молодежь уехала в больницу:

— Что это они вдруг к врачу помчались? Ранился кто-то?

— Подобрали раненую змейку, — старый Царь драконов слегка замялся. Он был водным драконом с максимально прокачанной боевой мощью, а раз уж силы у него хватало с лихвой, то всякие вспомогательные навыки он развивал так себе.

Поэтому, хоть его глаза и обладали способностью видеть сквозь предметы, разглядеть детали четко он не смог. Вот и вышло утром одно сплошное недоразумение.

Увидев, с какой осторожностью молодая парочка носится с коробкой, а внутри проглядывают яйцо и драконий хвост, он подумал... Эх! На самом деле там была просто бамбуковая куфия, которая залезла туловищем в куриное яйцо, чтобы выпить желток.

Старому Царю драконов было досадно: опозорился на старости лет, эх, беда!

Дядя Дахай в свое время повидал всякого и читать по лицам умел отлично. Заметив смущение приятеля, он тут же сменил тему:

— Давай-ка лучше глянь на мою птичку! Я тебе говорю, уникальное создание! Пару дней назад я дома танцами занимался, музыку включал — так она сходу запомнила! Ну-ка, малявка,

изобрази что-нибудь для дедушки Сюня!

С этими словами он сам задал мотив: «Как ни кружи в этом пестром мире...»

Священная майна в клетке расправила крылья и гордо затащила: «Оказывается, я лишь пьяная бабочка~»

Старый Царь драконов: «...»

Старый Царь драконов слегка приподнял бровь и перевел взгляд на трех черных дроздов у себя на плече, которые умели издавать только разрозненные звуки, но не петь. Эх, чтоб его, этот вспыхнувший азарт и проклятый дух соперничества!

Когда Ся Дунли вернулся домой с переноской в руках, он обнаружил, что атмосфера во всем доме кардинально изменилась.

Старый Царь драконов, который прежде из всех сил сохранял перед ними неприступный и гордый вид и до сих пор тщательно скрывал свое участие в отряде уличных танцев, теперь без малейшего стеснения уткнулся в кнопочный телефон и крутил трем черным дроздам танцевальную музыку для площадей, ничуть не заботясь о том, что раскрыл свои драконьи увлечения.

Динамик у телефона орал на славу. Ся Дунли еще даже не успел припарковаться у подъема, а до него уже донеслись въедающиеся в память ритмы уличного хита. Судя по всему, старый Царь драконов запустил целый попурри-микс: пока Ся Дунли открыл дверь и вошел в дом, сменилось уже три шлягера.

— Дядя Гэн? — Ся Дунли заглянул в комнату, недоумевая, с чего бы это Царь драконов решил дать волю чувствам.

— Сяо Ся, подойди-ка сюда, — помахал ему рукой старый Царь драконов. Ся Дунли передал переноску Сюнь Ваню, вошедшему вслед за ним с ключами от машины, и подошел к старику.

— Дядя Гэн, что случилось с Гуншаньюй?

Гуншаньюй — так звали трех маленьких черных дроздов. Ся Дунли принес их домой еще яйцами, а едва они вылупились, негодный человек стал втихаря подкармливать птенчиков вкусными червячками. Поэтому, даже оперевшись и научившись летать, троица не пожелала покидать уютное гнездышко.

Разумеется, человеческий двор для черных дроздов был слишком мал, поэтому днем они рассекали по окрестностям и возвращались в безопасный дворик лишь на ночлег и отдых.

Выросшие среди людей, птицы без малейшего зазрения совести выпрашивали угощения. Раньше им даже напрягаться не приходилось: достаточно было почирикать под окном Ся Дунли, и жирные червячки тут же оказывались в клюве. Но с появлением старого Царя драконов их беззаботная жизнь закончилась.

Как истинный представитель драконьего рода, прокачавший искусство удовольствий до предела, старый Царь драконов быстро заметил способность дроздов подражать голосам других птиц и тут же приступил к их дрессировке.

Птиц было трое, и Ся Дунли изначально хотел назвать их До, Ре и Ми, но старый Царь

драконов выступил категорически против. Он заявил, что птицы Китая должны носить имена с китайским колоритом — так дрозды получили совместное имя Гуншаньюй.

И надо сказать, то ли из-за жизни в такой обстановке с самого детства, то ли благодаря строгой муштре старика, три черных дрозда из дома Ся Дунли действительно с усердием учились издавать самые разные звуки.

На днях дядя Дахай, суровый любитель сельхозтехники, заглядывал спросить, не нужны ли Ся Дунли цыплята, и как раз попал на птичий концерт. Едва войдя во двор, он услышал целый хор звериных и птичьих голосов и подумал, что перепугал все подворье, но оказалось, что весь этот разноголосый шум издавала троица дроздов. Дядя Дахай был просто поражен.

Кхм-кхм. Да-да, помимо страсти к всевозможной сельскохозяйственной технике, дядя Дахай, как и большинство мужчин его возраста, увлекался содержанием птиц. Дома у него жила священная майна, и на досуге он с огромным удовольствием возился с ней и учил ее разговаривать.

<http://bllate.org/book/18144/1757892>